

3. Данилович, М.В. Подходы к деятельности ШОС: Китай и Россия // Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии; под ред. А.А. Розанова. – Минск: БГУ, 2012. – С.25-52.
4. Ван Хайянь. Чжунъя у го юй Чжунго Синьцзян цзинцзи хэцзю дэ хубусин фэньси (Анализ взаимодополняющего экономического сотрудничества китайского Синьцзяна с пятью странами Центральной Азии) // Дуоу Чжунъя шичан яньцзю. – 2002. – №2. – С. 10-16.
5. Лю Чжункан. 2011-2012 нянь Синьцзян цзинцзи шэхуэй синши фэньси юй юйцэ (Анализ и прогнозы социально-экономической обстановки в СУАР: 2011-2012). – Урумчи: Синьцз. нар. изд., 2011. – 379 с.
6. Чжунго юй оучжоу гоцзя маои тунцзи бяо: 2008-2013 нянь [Электронный ресурс]. URL: // <http://ozs.mofcom.gov.cn/article/date/> (Дата обращения: 11.10.2016).
7. Главы Туркменистана и КНР обсудили международные вопросы [Электронный ресурс] URL: // <http://www.trend.az/regions/casia/turkmenistan/2034703.html>. (Дата обращения: 11.10.2016).
8. People's Republic of China [Электронный ресурс] URL: // <http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=CHINA&product=oil&year=Select>. (Дата обращения: 15.01.2014).
9. Чжунго чжюяо нэньюань дуй вай ицуньду пань шан, цзыюань пинь динцзя шичанхуа ти су (Повысилась зависимость КНР от импорта основных энергоносителей, ускорился рост рыночных цен на ресурсы) [Электронный ресурс URL: // http://news.xinhuanet.com/fortune/2014-02/08/c_119244145.htm (Дата обращения: 11. 10. 2016).

УДК 321

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Сибирского федерального университета,
профессор Красноярского государственного
педагогического университета,
профессор Хэбэйского педагогического университета
dazishen@mail.ru

КИТАЙЦЫ В РОССИИ В XVII – XVIII ВВ.¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме китайцев в России на первом этапе истории русско-китайских отношений, от первых прямых контактов между двумя народами до оформления в 1728 г. системы русско-китайских отношений Кяхтинским договором. На основе опубликованных источников и работ исследователей дается целостная картина посещения разными представителями Китая, от военнопленных до чиновников, российской территории.

Ключевые слова. Русско-китайские отношения, Сибирь, Приамурье, пленные китайцы, цинские чиновники.

Vladimir Grigorievich Datsyshen, Doctor of History,
Professor and Chair, Department of general history,
Institute of the Humanities, Siberian Federal University,

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, 17-01-00209/17-ОГОН. "Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев".

THE CHINESE IN RUSSIA IN XVII – XVIII.

Abstract. The article is dedicated to the Chinese in Russia at the first step of the history of Sino-Russian relations, from the first direct contacts between two nations to the arrangement of Sino-Russian relationships by The Treaty of Kyakhta in 1728. Based on the published historical resources and researchers' proceedings, the article demonstrate a holistic picture of visiting the Russian territory by various representatives of China, from prisoners of war to officials.

Key words and phases: Sino-Russian relations, Siberia, Amur River region, Chinese prisoners, Qing's civil officials.

С вхождением в состав русского государства Сибири были установлены прямые связи между народами Русского и Китайского государств. Не случайно, именно в это время впервые на российской территории появляются китайцы. Под «китайцами» мы понимаем носителей китайской (чжунхуа) политической, материальной и духовной культуры. Речь идет в первую очередь о представителях этнонациональных групп: хань, маньчжуры, а так же китайцы-мусульмане (хуй), отдельные представители других этнических групп. В значительной части понятие китаец совпадает с понятием чжунгожень. Выезжавших на российскую территорию на относительно длительный период китайцев в китайской литературе называют «хуацяо».

В исторической науке, и отечественной, и зарубежной, проблемы появления китайцев в русских пределах до открытия русско-китайской границы в середине XIX в. остаются недостаточно изученными. Например, в одном из последних сборников материалов по истории китайской эмиграции, изданном в Харбине под редакцией Нин Яньхун, история китайцев в России начинается с откочевки калмыков на Волгу в 1628 г. И ни о каких китайцах в России до середины XIX в., если не считать китайских посольств первой половины XVIII в., вообще не упоминается [17].

Действительно, никогда китайцы (хань) не проявляли миграционной активности в направлении Сибири. Не стал исключением и период истории региона после вхождения в состав России. Еще «отец сибирской истории» Г.Ф. Миллер написал: «Китайцы, природные свойства которых я достаточно наблюдал, по натуре своей стремятся не к ведению войн в чужих землях, не к предпрятию долгих и дальних переездов, не к устройству поселений в далеких областях, но к осторожному, робкому и лукавому ведению своих дел дома» [9, с. 523].

С вхождением Сибири в состав Русского государства именно этот регион становится контактной зоной взаимодействия между двумя народами и культурами. В начале XX в. исследователь Забайкалья А.П. Васильев отмечал, что начальник хоринских бурят «монгольский князь Турукай-Табун» в 1647 г. на Селенге сообщил казакам, что покупает золото и серебро у китайцев [6, с. 47]. Не случайно, и первые известия о китайцах в русских пределах поступили из Сибири. В работе неизвестного англичанина, датированной около 1616 г., говорилось: «...в Сургуте торгуют приезжие из Китая (Cathay)» [2, с. 275]. Вероятнее всего Сибирь регулярно могли посещать китайцы-мусульмане, но их выявление затруднено из-за близости культур и тесной кооперации их со среднеазиатскими торговцами (бухарцами).

В 1650-х гг. первые китайцы стали попадать в Сибирь в качестве военнопленных или перебежчиков. В первых донесениях с Амура в 1649 г. китайцы еще не упоминаются, говорится лишь о взятых в плен или добровольно перешедших под русскую власть местных жителей: «Да Божию милостию и твоим Государевым счастьем, поймали де они на боях Даурских языков, князевых Шилгинеевых детей Арауля да Мазегу, да Гантимура-Улана князя шурина его Тыгичея» [1, с. 1649]. Правда, именно в это время русские

встретили на своем пути и китайских чиновников. Во время штурма казаками Гуйдарова городка на Амуре «в поле стояли люди в дорогах шелковых одеждах... Это были маньчжуры богдойского хана... На другой день один из маньчжуров пришел к Хабарову для переговоров... Язык оказался незнакомый и переводить было некому» [6, с. 72-73]. Исследователь А.П. Васильев в начале XX в. писал: «От пленных баб казаки узнали, что люди в дорогах шелковых платьях – маньчжуры, посланцы богдойского Шамшахана. Они собирали с даур ясак и жили в даурских улусах, человек по 50, до перемены их другими» [6, с. 73].

В 1652 г. на Амуре произошло первое большое сражение, в котором вместе с 1500 воинов из местных жителей было 600 маньчжурских солдат. Маньчжурские войска пытались захватить русский Ачанский острог, погибло много сотен человек. Исследователи, опираясь на опубликованные в СССР документы, пишут: «Первым китайцем был Кабышейка, попавший к русским в плен после сражения казаков Ерофея Хабарова с маньчжурами 24 марта 1652 г. под Ачанским острогом» [7, с. 57]. Это был «служилый человек» из Нингуты (Нинъань) провинции Цзилинь. Новосибирский историк А.С. Зуев утверждает: «Кабышейка собственно был первым, от кого русские в 1652 г. узнали о существовании никанцев и Никанского царства. Но судьба самого Кабышейки после его пленения хабаровцами остается неизвестной» [7, с. 58].

Летом 1654 г. казаки из отряда О. Степанова во время похода по Амуру захватили еще одного «никанского мужика». В то время русские называли Центральный Китай Никанским царством, а ханьцев - никанами. Маньчжурское государство русские называли Богдойским царством, а маньчжурских подданных – богдойскими людьми. В своей отписке, датированной августом 1654 г., воевода Степанов не назвал имя пленного, но сообщил, что «он полонен невелик из Никанского царства, а полонил де ево богдойской царь и продан де он в Дючеры в холопи» [11, с. 194]. То есть глава казачьего отряда утверждал, что казаки освободили из маньчжурского рабства одного ханьца. Действительно, во время обороны от маньчжурских войск Комарского острога, построенного русскими у впадения реки Хумаэрхэ в Амур, казаки писали в своих отчетах: «на вылазке многих Богдойских людей побили... и языков поимали, раненых мужиков» [4, с. 71]. В числе попавших в плен к русским солдат маньчжурской армии были и китайцы из южных районов. Российские историки пришли к выводу, что среди пленных были ханьцы из Мин, проданные маньчжурами дучерам и даурам [7, с. 58]. Эти китайцы в русском остроге приняли крещение.

В мае 1655 г. пленные китайцы в сопровождении русских казаков были отправлены в Якутск. В начале июня 1655 г. трое китайцев прибыли в Якутский острог. В Якутске «иноземцы Никанского царства выходцы» подали воеводе челобитную с просьбой о поверстании их в «государеву ленскую службу», то есть о причислении к военно-служилому сословию. В документах сохранились имена этих китайцев: «по бусормански Тенур да Чагу да Хиштко... а во крещене им имяна Тимошка да Митька Ивановы, Васька Марков» [7, с. 59].

Дальнейший жизненный путь в Сибири китайцев Дмитрия Иванова (Чаги) и Василия Маркова (Хишто) остается неизвестным, единственно, есть упоминания, о том, что Хишто хотел бежать от Степанова.

Сохранились документы о китайце Тимофее Иванове. В «Отписке даурского воеводы А.Ф. Пашкова в Сибирский приказ» от 1658 г. говорилось: «А в прошлом, государи, во 163 году¹ послан был из Якутцкого острогу за вашею государевою даурскою соболиною казною к вам, государем, к Москве Даурские земли толмач новокрещен Тимошка Иванов, и я, холоп ваш, по вашему государеву указу для вашей государевы даурской службы оставил ево, Тимошку, в Енисейском остроге для толмачества китайского и даурского и тунгусского языка. Да он же, государи, Тимошка, учен

¹ 1655 г. от Рождества Христова.

китайской грамоте... И я, государи, холоп ваш, по вашему государеву указу поверстал ево, Тимошку, в Енисейском остроге в казачью службу на выбыльное место» [11, с. 236].

Историк А.С. Зувев пишет, что 18 июля 1656 г. «толмач Тимошка своровал, по подговору Ивана Акинфова (енисейского воеводы в 1655 – 1657 гг. – А. 3.) ... з дороги с Енисея-реки в Енисейской острог збежал к нему, Ивану Акинфору, на двор. И Иван Акинфов тово толмача Тимошку из Енисейского острогу свез с собою к Москве» [7, с. 59]. Таким образом, китаец Тимофей Иванов приехал в Енисейск в качестве толмача (переводчика). В Енисейске этот китаец был принят воеводой А. Пашковым в енисейские казаки. Однако Тимофей Иванов сбежал из русского отряда, направлявшегося на Амур, остался в Енисейске, и затем выехал в Москву.

В архивах «Сибирского приказа» сохранилась челобитная Т. Иванова. В документе говорится: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю... бьет челом сирота твой, государь, доурской выходец Тимошка Иванов сын Ника. Вышел я, сирота, твой на твое государево имя и ныне я, сирота твой, на Москве скитаюсь промеж двор. Милосердный государь... пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, меня отпустить в Сибирь и поверстать в конные казаки в Томском городе и о том дать свою государеву к воеводе грамоту, чтоб мне, сироте твоему, волочась меж двор, голодную смертью не умереть и в конец не погибнуть и твоей царской службы не отбыть» [7, с. 58-60]. В 1667 г. русское правительство отправило китайца в Сибирь, для того, чтобы он нес там службу в качестве томского казака. Дальнейшая судьба китайца И. Тимофеева в Сибири остается неизвестной.

Известный дипломат Н.Г. Спафарий (Милеску) по дороге в Китай встречал китайца в Тобольске. Н.Н. Бантыш-Каменский писал, что в 1675 г. «Спафарий, приехав в Тобольск, нашел там одного из служилых, знающих китайский язык» [5, с. 6]. Русские ученые предполагают, что возможно именно Тимофей Иванов некоторое время жил в сибирской столице Тобольске, где по поручению переводил китайские документы для российского посла Н.Г. Спафария (Милеску). Однако документального подтверждения этой версии нет. Сохранились известия о том, что в Селенгинске Спафарий взял в посольство крещеного китайца, перешедший на русскую службу еще в 1640-х гг. Но из-за протестов китайской стороны, не разрешавшей посещение Китая китайским беженцам, Н.Г. Спафарий вынужден был отправить назад в Россию служившего у него переводчиком православного китайца.

Следующие китайцы – пленные и перебежчики – появились в Сибири уже в 1680-х гг. во время очередного масштабного русско-маньчжурского столкновения на Амуре. Историк Е.А. Багрин пишет: «В июле 1685 г. Нерчинский воевода послал 70 чел. на пяти «легких стругах»: «до тех мест, где встретят неприятельских Китайских людей, чтоб языков добиться для подлинных ведомостей о их неприятельских замыслах». Более многочисленный отряд из 300 служилых людей ходил из Албазинского острога вниз по Амуру «для взятъя языков, чтоб уведомить их неприятельские замыслы». Наткнувшись на китайский отряд из 40 чел., разведчики завязали с ним бой... догнав в бою, они убили 30 чел.. взяв в плен оставшихся...» [4, с. 53-74]. Затем китайцы попадали в плен к русским во время осады маньчжурским войском Албазина. В документах отмечается: «на вылазках же поимали казаки их Богдойских людей три человека Никанского роду, и в Албазине де Никанского языка (ханьюе – В.Д.) никто не знает» [4, с. 76].

Вооруженное противостояние на Амуре завершилось подписанием в 1689 г. Нерчинского договора. После этого в качестве военнопленных китайцы уже не попадают на территорию России, до самого 1900 г.

После присоединения к русскому государству Забайкалья появились предпосылки для посещения китайцами, прежде всего чиновниками и торговцами, русских острогов. Центром русских владений в Забайкалье был Нерчинский острог, расположенный не очень далеко, примерно в 300 километрах, от Хулуьбуира. Как отмечали исследователи, «в 1666 году в Нерчинске появились китайцы. Они приехали вначале для знакомства» [10, с. 9]. Академик С.Л. Тихвинский пишет, что в декабре 1669 г. в Нерчинск прибыл

разведывательный военный отряд Цинской империи, а «в 1670 г. маньчжурский отряд вновь прибыл под Нерчинск» [14, с. 13]. Н.Н. Бантыш-Каменский писал: «возвратился из Пекина в Нерчинск Милованов с товарищами в препровождении наунского воеводы Монгутея, в чине посланника, с 30 служилыми, торговыми людьми и кашеварами» [5, с. 20]. Затем отмечается: «Монгутей еще трижды приезжал в Нерчинск».

К этому времени относится и первый китайский торговый караван в сибирские земли. Четыре китайских купца приехали в Нерчинск, очевидно, вместе с маньчжурским военным отрядом, зимой 1669-1670 гг. Нерчинский воевода Д. Аршинский докладывал: «приезжали в Нерчинской острог с торгом Богдойские люди из украинных юрт, Шаралдай с товарищи, четыре человека; и я холоп ваш тем Богдойским торговым людям воздал честь, и вашим Великих государей жалованием кормил их довольно. И торг велел им дать повольной, и отпустил в Богдойскую землю» [1, с. 167]. В другом послании он уточняет: «Да в нынешнем же во 178 году Апреля в 15 день приходили в Нерчинской острог, с Шингалу реки, от Богдойского царя посланцы, Богдойские люди, тот же Шаралдай с товарищи, четыре человека, и с ними приходили торговых и кашеваров девять человек» [1, с. 455]. Потом было еще два каравана, в которых было, соответственно, 13 и 35 купцов. Китайские историки писали: «...В Китае Милованова продержали взаперти под караулом две недели и затем отправили обратно с китайским чиновником, который отвез в Нерчинск новое письмо о Гантимуре и разные вещи в подарок царю» [3, с. 9].

Китайские представители в Нерчинске были отмечены и в сибирских летописях: «Прислан был от богдохана нарянской воевода для уговора князя Гантимура (Кантимира) к возвращению по прежнему, при чем присланы были от богдохана в подарок одежда воинская, боярский пояс, оружие и на жалование золото и серебро. Но подарки не ослепили Гантимура! Он остался верен и при угрозах нарянского воеводы употребить силу и оружие ободрил малое число бывших в Нерчинске россиян. Князь Гантимур принял святое крещение» [8, с. 148]. В одной из сибирских летописей отмечено: «1687. Прибыл в Нерчинск китайский посол для мирных переговоров» [8, с. 157]. Самая большая китайская официальная делегация в сопровождении самого большого военного отряда прибыла в район Нерчинска в 1889 г. В сибирских летописях сохранились сообщения о посещении китайскими чиновниками Нерчинска: «1699... В Нерчинске был полномочный китайский посол, с которым кроме чиновных было 5000 человек воинов» [8, с. 163].

Посетившие Сибирь в конце 1680-х гг. цинские чиновники составили и опубликовали свои «дневники»: Чжан Пэнгэ стал автором дорожного дневника «Записки о посольстве в Россию», секретарь главы посольства Цянь Лянцзе написал «Чусай цзилюэ» («Записки о посольстве на границу»).

Урегулирование русско-китайских противоречий позволило договориться о правилах взаимопосещения российских и китайских территорий. Пятой статьей Нерчинского договора 1689 г. разрешался проезд через границу по специальным документам: «Каким либо ни есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обеих Государств добровольно и покупать и продавать что им надобно да повелено будет» [15, с. 12].

В конце XVII – начале XVIII вв. китайские представители не раз посещали Забайкалье. Нерчинский воевода писал в Пекин: «В прошлом 1705 году мая в 2 день явился в Нерчинск... Семен Молодой и подал от вас ближних людей на мунгальском языке лист, а в нем писано: которые от вас Богдыханова высочества люди Нонкичан да Бого Зантины посылаемы были для сыску и поимки ваших беглых мужиков Селентука да Кренчука двенадцати годов... будучи де они, вышеописанные Зантины в Нерчинском уезде на заимке нерчинского сына боярского Феодора Лонщакова» [3, с. 147].

В XVIII в. в Сибири побывали китайские дипломаты. Академик С.Л. Тихвинский пишет: «12 июня 1712 г. для переговоров о создании антиджунгарской коалиции из Пекина в Россию, к Аюке, было направлено посольство в составе 35 человек во главе с восемью маньчжурскими сановниками, один из которых Тулишэнь оставил подробную

запись о путешествии этого посольства, длившегося около трех лет. Во время своей поездки цинские послы посетили Иркутск и Тобольск (где вели переговоры с губернатором Сибири М.П. Гагариным), а также Верхотурск, Солекамск... а на обратном пути – Тобольск, где вновь встретились с Гагариным. Затем через Томск, Енисейск и Илимск посольство возвратилось в марте 1717 г. в Пекин» [14, с. 17-18].

Действительно, прибыв в Селенгинск, китайские дипломаты жили в этом городе до февраля 1713 г., пока не было получено разрешение русского царя на дальнейшее продвижение по Сибири. В одной из сибирских летописей говорится: «1713. Для прибытия китайских послов прибыл из Тобольска подполковник Прокопий Ступин, который отправился в Селенгинск, а из Селенгинска прибыл с послами на судах в июне месяце» [8, с. 170]. Три месяца китайцы жили в Иркутске, а затем, после открытия судоходства в мае месяце, продолжили движение вниз по реке Ангара и Енисей. В сибирскую столицу Тобольск китайская делегация прибыла лишь в конце августа, а 1 сентября проследовала далее. На обратном пути с Волги китайская делегация жила в Тобольске с декабря 1714 по январь 1715 гг. [16, с. 785]. Далее китайцы двигались на родину без больших остановок. В иркутской летописи записано: «Прибыли из Москвы обратно китайские послы в Иркутск (марта 26) и тогда же отправились в Селенгинск» [8, с. 170].

На всем пути путешествия китайской экспедиции по Сибири цинские представители встречали торжественный прием. Книга Тулишэня «Записки о путешествии на край света», выпущенная в свет на маньчжурском и китайском языках в 1723 г., стала первой в истории Китая работой, где описывалась Россия. Благодаря книге посольство, возглавляемое несколькими сановниками, стало называться «посольством Тулишэня». Первый русский китаевед И.К. Россохин перевел «И юй лу» на русский язык.

В начале XVIII в. одним из центров русско-китайских отношений стал Селенгинск, находившийся на кратчайшем пути из Пекина в русские земли. И этот город регулярно посещали китайские представители. В феврале 1722 г. сибирский губернатор А.М. Черкасский сообщал в Сенат: «Октября де 24 дня 721 году явились в Селенгинску ис Китайского государства два стольника Беки Бани да Толузай, два заргучея Тюлющим да Нагатуй. При тех стольниках и заргучеях четверо башков, 20 человек служителей их... для осмотра за Байкалом-морем окинских вершин, где есть Саянский камень» [12, с. 320]. Вероятно, по этому вопросу развернулась переписка между чиновниками двух стран. Китайские власти указывали: «Когда ваш посланник Измайлов прибыл сюда, дали мы ему для взятка с собою 100 листов наших паспортов. И здесь он оставил 100 листов своих паспортов. И когда отсюда посылали к вам какого человека, всегда давали ему паспортов, от вас здесь ставленных... В прошедшем времени Чамсон Табак кутухта советовал было усопшему императору, чтоб были посланы сюда наши люди, имея ваших паспортов здесь оставленных, смотреть гору, мундурга называемую, где находят соль, и вы тех людей задержали в Селенгинску, ниже позволил им проехать далее, но возвратили их назад» [13, с. 139].

По русским данным, торговцы из Китая так же посещали русские приграничные земли. Правда, китайские власти в своих письмах утверждали: «Никогда из нашего великого государства в вашу землю купцы не посылаемы» [13, с. 140]. В документах фиксируются и разного рода случаи появления китайцев в России. В 1722 г. «якутский житель» некто Д. Кичкин писал в Петербург: «В прошлых годах пришел ис Китаев один человек в Селенгинской монастырь, который близ города Иркутска, и воспринял святое крещение, а ныне живет в том монастыре. А оной умеет читать и писать по манзурски и по никански» [12, с. 340]. Петр I распорядился прислать этого китайца в Петербург. Наибольшую известность из оказавшихся в XVIII в. в России китайцев получил Чжу Гэ (Джого), привезенный в 1734 г. из Тобольска в Петербург и крещенный под именем Федор Петров.

В 1727-1728 гг. между Россией и Китаем был заключен Кяхтинский договор, урегулировавший все проблемы и противоречия между двумя странами. Однако после

этого договора ситуация с выходцами из Китая на территории России принципиально не изменилась. Китайские чиновники в сопровождении воинских отрядов подходили к русским городам, как это было на юге Западной Сибири. Китайские посольства проезжали через Сибирь, торговцы и пограничные начальники регулярно посещали Кяхту. В Сибири встречались и перебежчики из Китая, и даже пленные китайцы, правда, захваченные не русскими, а войсками среднеазиатских государственных образований. И лишь в середине XIX в. система и принципы русско-китайских отношений изменились, следствием чего стало массовое появление китайцев в российских пределах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Историографическою Комиссиею. Т.IV. 1645-1676. – СПб., 1842.
2. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1932.
3. Архивные материалы на русском языке из бывшего пекинского императорского дворца. Письма полученные из России в годы царствований Кан-Си и Цянь-Лун. Китайский перевод Ван Чжи-сян. Редакция русского текста Лю Цзе-жун. – Бейпин, 1936.
4. Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. – СПб.: Нестор-История, 2013.
5. [Бантыш-Каменский] Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792-1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Издано в память истекшего 300 летия Сибири В.М. Флоринским. – Казань: Типография Императорского университета, 1882.
6. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Т.I. – Чита: Типография Войскового Хозяйственного Правления забайкальск. каз. войска, 1916.
7. Зуев А.С. Первые китайцы в Русском государстве (сер. XVII в.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. - Т. 11. - № 10.
8. Летопись города Иркутска XVII-XIX вв. / Составитель и научный редактор Н.В. Куликаускене. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1996.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. – М.: «Восточная литература», 1999.
10. Петряев Е. Нерчинск. – Чита, 1959.
11. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т.I. - М., 1969.
12. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т.I. - М., 1978.
13. Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. Т.III. Русско-китайские отношения. 1727-1729/ Отв. ред. С.Л. Тихвинский. - М.: Памятники исторической мысли, 2006.
14. Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. - М.: Наука, 2008.
15. Treaties, Conventions, Ets., between China and Foreign states. Vol. I, Second Edition. – Shanghai, 1917.
16. Tulisen //Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644-1912). Ed. Arthur W. Hummel. Vol. II. P-Z. – Washington, 1944.
17. 旅俄华侨史料汇编. 宁艳红 主编. (Лю Э хуацяо шиляо хуйбянь. Нин Яньхун чжубянь, Под ред. Нин Яньхун. Сборник исторических материалов по китайской эмиграции в России). – Харбин: Изд-во Хэйлунцзянское просвещение. 2016.